

Королева Серсея Ланнистер

Серсее никогда не нравился Джон Сэнд. Долгое время эта неприязнь была, конечно, чисто гипотетической. Первые несколько лет жизни мальчика она лишь очень смутно осознавала его существование. Но потом Роберт узаконил его одним росчерком пера Джона Аррена и дал ему одно из самых важных мест в Королевстве. И это, как бы Серсея ни ненавидела признавать это, вселило в нее страх. Роберт, казалось, не думал о том, чтобы узаконить бастарда Эддарда Старка, и Серсея слишком хорошо знала, что у Роберта было много собственных бастардов.

Что будет, если у него появится одна из его странных политических идей или он просто решит, что ему нравится один из них, и он захочет передать ему свое имя?

Ее Король-муж создал опасный прецедент с Джоном Сэндом, который заставил ее опасаться за положение собственных детей. Ох, она сомневалась, что Роберт действительно настолько глуп, чтобы втянуть даже своего узаконенного бастарда в линию наследования, он слишком многим обязан ее отцу. Но с именем Баратеон и незначительным лордством в их руках, любой из его бастардов мужского пола был в гораздо лучшем положении, чтобы претендовать на трон.

Восстание Блэкфайра должно было научить чему-то Роберта, научить все королевство. Ни один ублюдок не может стать больше, чем просто ублюдком. И поэтому она ненавидела мальчика, даже если это было только абстрактно. Она отказалась присутствовать на его свадьбе, отказалась присутствовать на турнире, который Роберт устроил в честь именин щенка Сэнда. У нее не было никакого желания смотреть на него или удостаивать своим присутствием его пустую легитимацию.

Потом он пришел ко двору.

Серсею всегда учили, что Северяне немногим лучше дикарей, независимо от их происхождения. Они презирали рыцарство, разговаривали с деревьями, презирали септов и септонов Веры и были немногим больше, чем дикие звери на поле боя. Она никогда не проводила достаточно времени ни с одним Северянином, чтобы думать иначе. Она знала, что Роберт высоко ценил Эддарда Старка, но ведь и сам Роберт был не более чем дикарь. Но Джон Сэнд не был дикарем. Он был вежлив и галантен, даже когда держался особняком, и он и его шурин, по крайней мере, так говорил Мизинец, были голосами разума в Малом Совете, который уже много лет сходил с ума, к их общей досаде. Джон Старк и Уиллас Тирелл, по-видимому, были совершенно неподкупны. Даже ее дорогой, милый Джоффри, казалось, относился к мальчику с некоторым уважением, хотя бы потому, что он был близок к его возрасту и уже слыл одним из лучших фехтовальщиков Семи Королевств.

Джон Сэнд, хотя и не сделал и не сказал ничего открыто, чтобы дать ей понять, не ответил на уважение ее сына, и это была ее первая по-настоящему личная обида на него. Сложите это в довершение всего, что она когда-либо чувствовала к мальчику, и она чувствовала, что более чем оправданно ненавидит его. Кто он такой, жалкий узаконенный бастард, чтобы так презирать коронованного принца? Кто он такой, чтобы презирать Льва? Она попыталась заговорить об этом с Робертом, но тот лишь рассмеялся и сказал, что если Джоффри станет хотя бы наполовину таким, каким был Джон 'Старк' в его возрасте, то уважение, которое, по ее мнению, он заслужил, последует за ним. Она заговорила об этом с Джейми, который бросил на нее нехарактерно угрюмый взгляд и напомнил, что мальчика воспитывал, в общем и целом, Сир Эртур Дейн, и что на самом деле Джон Сэнд вымещал на Джоффри презрение Дейна к Джейми, пусть и молча.

По крайней мере, присутствие Дейна в его жизни объясняло, почему Джон Сэнд, несмотря на все его безумное поклонение деревьям, не был полным дикарем.

На какое-то время, как бы она ни презирала его, она смирилась с тем фактом, что Роберта непреклонен насчет легитимности мальчика, а Тиреллы, несомненно, возьмутся за оружие, если он снова обретет имя Сэнд, так же важно учитывать его положение в Малом Совете. Даже когда Серсея заметила, что мальчик слаб и едва ли пропустит лунный оборот, прежде чем убежит обратно на Драконий Камень, чтобы спрятаться в юбках своей жены, Роберт только рассмеялся. Он слишком много смеялся, когда речь заходила о Джоне Сэнде, и повторял слова, которые говорили все остальные: что для них естественно быть такими привязанными, учитывая, как рано они поженились, и что чертовски приятно видеть молодого Лорда, так влюбленного в свою Леди-жену.

Но больше всего ее раздражало то, что она не понимала мальчика. У него не было никаких амбиций, которые она могла бы собрать воедино, кроме регулярного возвращения к юбкам его жены. Он был членом Малого Совета со дня своего совершеннолетия. Он был Лордом значительной части Королевских Земель и был связан кровными узами или браком с пятью из Семи Королевств. Он был достаточно умен сам по себе, и у него была очевидная абсолютная преданность своих знаменосцев, а также два старших шурина, постоянно окружавших его, как будто он был чем-то драгоценным, а не прославленным бастардом, в то время как они были сыновьями Верховного Дома. Он был даже хорош собой, и это раздражало. Вся эта сила была на кончиках его пальцев, и он, казалось, совсем не хотел ею владеть. Он не играл в 'Игру Престолов', по крайней мере, она так не считала. Этим, как она могла бы признаться себе в плохие дни, он пугал ее больше, чем немного. Благородные мужчины предсказуемы, часто говорил ей Лорд-отец, но она обнаружила, что все наоборот. Людей без чести легко предсказать. Мужчины... они были самыми непредсказуемыми из всех, и она ненавидела не знать, что делает мужчина, но в то же время знать, что то, что было между ее ног, не имело никакого влияния.

Ее Джоффри мечтал о дружбе с мальчиком. Томмен боготворил его. Мирцелла, о существовании которой он, казалось, почти не подозревал, вздыхала ему вслед так же, как Серсея когда-то вздыхала вслед серебряному принцу. Серсея не знала, что ее больше всего злило: то, что он вдохновлял ее маленькие девичьи фантазии, или то, что он ничего не знал о них.

Джон Сэнд сбивал ее с толку, и Серсея ненавидела это больше всего на свете. Она ненавидела тот факт, что иногда видела его краем глаза, и могла поклясться, что он был знаком ей не только из-за своей мрачной Северной внешности. Но она не могла вспомнить откуда, и эта неуверенность снова заставляла ее захотеть выцарапать эти красивые, темные глаза.

За то слишком долгое, жалкое пребывание на Севере Серсея видела, как Эддард Старк обращался со своей Леди-женой, как тепло и нежно он ей улыбался, как не спускал с нее глаз. Она ненавидела их обоих и Роберта в равной мере. И Элию Мартелл, за то, что вышла замуж за принца, который должен был стать Королем Серсеи, и Лианну Старк, за то, что поймала взгляд серебряного принца, когда Серсея не могла, и даже самого Рейгара, за то, что осмелился сбежать с кем-то, кто не был ею. Она не могла избавиться от извращенного удовольствия, которое испытала, когда Джейми вытолкнул мальчика-волка из окна башни, когда увидела его сломленным на той слишком большой кровати. Она должна была признать, что это было очень приятно - видеть, как один из этих идеальных детей из этой идеальной, любящей семьи опускается все ниже и ниже.

Она вернулась в Красный Замок только для того, чтобы мельком увидеть Джона Сэнда с его

женой, женщиной, чье рождение сделало ее гораздо более подходящей для одного из сыновей Серсеи, чем для того, чтобы быть растроченной на выскочку-ублюдка. И это вызывало в ней странное чувство, будто она не оставила все это совершенство Винтервелла там, позади. Он был нежен и ласков, все его внимание было отвлечено Маргери Старк и их малышом, он смеялся и разговаривал с ней, обращался с ней как с равной и осыпал их малыша такой любовью, на которую было крайне странно смотреть.

Серсея знала, что в природе волки - лучшая пара, чем олени. Даже лучше, чем львы. Она ненавидела и Эддарда, и Джона за то, что они заставили ее задуматься, не стоит ли ей пожалеть о том, что она давным-давно спрятала письмо, в котором предлагала выйти замуж за Старка из Винтерфелла. Ее отец, вероятно, отказался бы в любом случае, но, возможно... Но она тут же зарубила эту мысль на корню. Она бы так не поступила. У нее не было бы детей, не было бы короны, и она никогда бы не пожалела об этом.

Но больше всего на свете она ненавидела Джона Сэнда за то, что он показал ей, что Эддард Старк не был исключением, не был каким-то чудом природы. Что двое мужчин могут быть такими разными и в то же время такими похожими в том, что ценят женщин в их жизни, и это вполне естественно. И все же, несмотря на то, что они существовали, она никогда не испытывала такой любви, теплой и нежной, как и ее бедная, дорогая дочь.

<http://tl.rulate.ru/book/40965/926182>